

СЕМИОЗИС ВЛАСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ТИПЕ КУЛЬТУРЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЛЕГОМЭНЫ

С. В. САННИКОВ
Новосибирский государственный университет
sannikov_sv@yahoo.com

SERGEY SANNIKOV
Novosibirsk State University

SEMIOSIS OF POWER IN SEMANTIC TYPE OF CULTURE: METHODOLOGICAL PROLEGOMENA

ABSTRACT. The article presents analysis of the texts, functioning in the system of codes of culture, where the dominant role is played by semantic (symbolic) type of cultural code. The subject of research is the process of creation and functioning of signs of political power. Application of semiotic research methods allowed classifying symbolic power components in the semantic type of culture, revealing features of semiosis of the three main types of sign (symbols, indexes and icons), and considering of the semantic, syntactic and pragmatic dimensions of semiosis of power. Results of the study provide evidence to suggest that cultural code that implies relation to a sign within a particular culture is immanent to a sign itself and can be regarded as a key component of the pragmatic dimension of semiosis.

KEYWORDS: image of power, semiotics, culture, cultural code, medieval, signs of power, politics, semantic (symbolic) type of cultural code.

Изучение средневековых образов власти является одной из популярных тем исследований, которая находится на пересечении исторической науки, культурологии, политологии и феноменологии.¹ В настоящее время отмечается закономерное расширение методологических оснований исследований: от политической психологии (Николаева 2005) и антропоники (Успенский 2001) до лингвосемиотики власти (Янушкевич 2009). Особенный интерес в методологическом отношении представляет семиотический подход, эвристический потенциал которого раскрыт в настоящее время далеко не полностью.

---

¹ В ряду значимых научных работ последнего времени, посвященных этой теме, необходимо отметить труды Theuws, Nelson 2000; Berkhofer, Cooper and Kosto 2005; Bisson 1995; Хачатурян 2004, 2006, 2008; Бойцов, Успенский 2010; Ямпольский 2004; Успенский 1998, 2000; Успенский 2001; Бойцов 2009; Шкаренков 2003 и др.

Исследователи уже неоднократно применяли семиотические методы в исследовании различных аспектов феномена власти,² однако, в связи со значительным методологическим разнообразием семиотических подходов, единой методологии исследования знаков власти выработано пока не было, в связи с чем отмеченная М. В. Ильиным необходимость создания «особой политической семиотики власти» (Ильин 2002, цит. по: Согомонян 2012, 48) по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Принимая во внимание, что современные теоретики семиотики зачастую расходятся во мнениях о сущности знака, его составляющих, механизмах происхождения и функционирования, а проблемное поле семиотики смещается в сторону анализа когнитивных процессов и биологических аспектов коммуникации,³ исследователю культуры при выборе соответствующих методологических оснований работы имеет смысл строго руководствоваться спецификой объекта и предмета исследования.

Объектом настоящего исследования являются тексты (рассматриваемые как замкнутые знаковые образования, созданные с использованием определенного языка или нескольких языков культуры), функционирующие в системе кодов культуры, где доминирующую роль играет семантический (символический) тип кода культуры. Данный тип кода культуры, «построенный на семантизации (или даже символизации) как всей окружающей человека действительности, так и ее частей, можно также назвать «средневековым», поскольку в наиболее чистом виде он представлен в русской культуре в эпоху раннего средневековья» (Лотман 2004, 402). В числе определяющих особенностей отношения к знаку в рамках данного типа культуры Ю. М. Лотман отмечает ключевую роль оппозиции идеального и материального плана, иконический принцип образования знака, множественность и иерархичность значения, ахронный характер знаковой системы, восприятие знака как средства замещения, принцип гомеоморфности части целому.

Используя предложенную модель символического типа культуры, необходимо учитывать, что исследование Ю. М. Лотмана было выполнено на материале древнерусской (раннесредневековой) литературной традиции, в связи с чем перед автором не стояла задача более детальной типологии культурных форм (например, с учетом культурных явлений, находящихся в рамках дохристианской парадигмы, или имеющих различные цивилизационные источники). Анализ более широкого круга явлений средневековой культуры, очевидно, требует соответствующих уточнений к культурной модели, представленной в работе Ю. М. Лотмана.

---

² Например: Астафурова, Олянич 2008; Живов, Успенский 1987; Прозоров 2003; Согомонян 2012; Санников 2011; Янущкевич 2009; Siefkes 2010; Шейгал 2000.

³ См. Фадеева, Тульчинский 2011, 125 и далее; Кравченко 2008, 37–45; Кравченко 2000, 10–14; Плохотнюк 2010, 124–132.

Принимая во внимание выявленные отечественными и зарубежными исследователями различия в характере средневекового символизма Византии и Западной Европы (А. Ф. Лосев), расхождения в онтологических основаниях символизма «варварской» и средневековой христианской культуры (А. Я. Гуревич), специфику сочетания элементов метафизического символизма и аллегорического подхода в западноевропейской средневековой культуре (У. Эко), отметим, что заявленный объект исследования нуждается в существенной детализации. Представляется целесообразным сузить хронологические рамки настоящего исследования до периода раннего средневековья Западной Европы, анализ культурных форм которого будет осуществляться, преимущественно, на материале христианизированных германских «варварских королевств», что позволит пользоваться моделью семантического культурного кода Ю. М. Лотмана в качестве отправного теоретического конструкта.

Выявленные Ю. М. Лотманом характеристики могут быть дополнены принципами средневекового символизма (М. Пастуро), такими как принцип аналогии и этимологический принцип построения лингвистического знака, принципы инверсии и трансгрессии, используемые средневековыми авторами. В анализе необходимо учитывать такие средства средневекового символизма (С. С. Аверинцев) как энигма, парафразис, метафразис, парабола, а также различные аспекты соотношения идеологического и формально-жанрового плана.

Предметом исследования является процесс возникновения и функционирования знаков власти.⁴ Как отмечает В. Э. Согомонян, факт существования специальной системы знаков власти (как составляющей дискурса власти) общеизвестен: «Любой индивид, о котором говорил Фуко, став носителем политической государственной власти, обретает в качестве субъекта систему знаков-символов или знаков-оповещений (Гуссерль), которые очевидно являются конститутами гипотетического дискурса власти» (Согомонян 2012, 45). Процесс функционирования знаков власти целесообразно рассматривать через призму семиотики, способную в политических исследованиях «выступать как инстанция высшего порядка, через своего рода «редукцию» к которой, а отнюдь не непосредственно, политика и язык образуют тесную взаимную сопряженность» (Ильин 2002, цит. по: Согомонян 2012, 48).

---

⁴ Нельзя не согласиться с мнением Т. Биссона о том, что «власть» представляется «концептуально пространным, необъяснимо раздутым» понятием (Bisson 1995, 6). Представляется целесообразным воспользоваться определением дискурса власти (политического дискурса), предложенным В. Э. Согомоняном: «Дискурс власти – это процесс коммуникативной актуализации конвенционально закрепленных и обладающих императивной интенцией смыслов, явлений, идей и идеологий, порождаемых системой специальных знаков-оповещений “языка” власти... Дискурс института власти – это комплекс совершаемых носителями власти публичных коммуникативных актов императивного характера при помощи знаков “обычного” языка и специальной системы знаков “языка” власти» (Согомонян 2012, 47).

В рамках семиотики традиционно выделяют две основные парадигмы интерпретации знака – восходящие к работам Ф. де Соссюра и Ч. Пирса.⁵ Несмотря на то, что данные парадигмы рассматривались в течение долгого времени как полярно различные, «полные антитезы» (Бенвенист 1974, 69–89), исследователи достаточно продуктивно синтезировали отдельные положения данных направлений, получая интересные научные результаты.⁶

Необходимо отметить, что семиотика культуры Московско-Тартуской школы также занимает обособленное место между пирсовской семиотикой и соссюровской семиологией. Методологической спецификой Московско-Тартуской школы «является ее подчеркнутая текстоцентричность: не язык, не знак, не структура, не бинарные оппозиции, не грамматические правила, а текст является центром ее концептуальной системы. Семиотика культуры занимается текстами, более того, сама культура может быть рассмотрена в качестве текста» (Lotmaniana Tartuensia).

В качестве модели знакового измерения культуры в настоящей статье принимается концепция семиосферы Ю. М. Лотмана, понимаемой как семиотическое пространство, в котором взаимодействуют соответствующие знаковые системы (языки и тексты культуры) (Лотман 2004, 250–252). С данной концепцией может быть сопоставлена трактовка культуры К. Гирца как исторически передаваемой системы значений, воплощённых в символах, системы унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют, развивают своё знание о жизни и отношении к ней (Гирц 2004, 106).

Под семиозисом власти в рамках данной статьи понимается коммуникативный процесс, в ходе которого происходит возникновение и функционирование знаков, объектом (означаемым) которых является публичная власть (Санников 2013, 6). Анализ актов первичного семиозиса осуществляется с позиций методологии Ч. Пирса – Ч. Морриса. Вторичная семиотизация (мифологизация знаковых конструкций) рассматривается с концептуальных позиций, сформулированных в работах Р. Барта (методологически восходящих к модели знака Ф. де Соссюра).

Исторический источник рассматривается как текст, созданный с использованием соответствующего языка культуры (естественного языка, языка архитектуры, музыкального языка, языка художественных образов и т. д.), что открывает возможности применения соответствующих методов исследования

---

⁵ См. более подробно: Данези 2010; Проскурин 2013. Отдельные авторы (Шатин 1996) склонны также выделять третье методологическое направление, представленное в работах П. А. Флоренского.

⁶ Например, У. Эко в своей теории семиотики «находит точки соприкосновения между семиотикой Пирса и семиологией Соссюра, восстанавливая недостающие звенья в логике их рассуждений, используя аргументы одного для доказательства тезисов другого» (Усманова 2000, 120–122).

(метода текстового анализа Р. Барта, семанализа Ю. Кристевой, интертекстуального анализа И. П. Смирнова и др.).

Знаковое содержание власти: типологические аспекты

Как отмечает С. С. Аверинцев, «даже на Западе Римская империя перестала существовать «всего лишь» в действительности, в эмпирии, – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен «семиотическое» существование. Варвар Одоакр, низложивший в 476 г. последнего западноримского императора Ромула Августула, не мог сделать одной вещи: присвоить императорские инсигнии. Он отослал их в Константинополь «законному» наследнику цезарей – восточноримскому императору Зинону. Победитель знал, что делал. Пусть Италия – колыбель и одновременно последняя территория Западной империи; сама по себе она представляет только совокупность земель и по варварскому праву войны оказывается добычей варваров. Но вот знаки упраздненной власти над исчезнувшей империей – совсем иное дело; их нельзя приобщить к добыче, ибо значение этих знаков превышает сферу реальности и причастно сфере должествования» (Аверинцев 1977, 311).

Знаковое содержание власти становится частью символического наследия западной части империи, за которое ведут борьбу многочисленные «варварские» правители. Необходимо отметить, что политическая элита римской империи активно пользовалась данной ситуацией, закрепляя различные формы геополитических союзов символическими обменами. Примером такого обмена может служить пожалование королю франков Хлодвигу консульских инсигний, сопровождавшееся церемонией, описанной в произведении Григория Турского. «В базилике святого Мартина его (*Хлодвига* – С.С.) облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили венец» (Савукова 1987, 57).

Рассмотрим акт облачения Хлодвига с точки зрения его знаковых составляющих. Сам по себе пурпурный цвет одеяния в данном примере может быть охарактеризован по классификации Ч. С. Пирса как иконический квалисайдн («*iconic qualisign*», Hartshorne and Weiss 1960, 147), поскольку именно цвет в данном акте символизирует царственность, придавая соответствующей тунике статус инсигнии (знака власти). Данный иконический квалисайдн нередко использовался для создания соответствующего «эффекта власти», например, представителями франкского нобилитета эпохи Великого переселения народов (весьма ценным в данном отношении является свидетельство Сидония Аполлинария, описавшего знатного франкского юношу эпохи Великого переселения народов, одежда которого «из пурпура и белого шелка была украшена золотом», цит. по: Стасюлевич 1999, 90) или королем остготов, использовавшим парадокс римской потестарной символики в невербальной коммуникации, происходившей перед началом сражения с римскими войсками («На нем было надето оружие, богато разукрашенное золотом; украшения его перевязей на шлеме и на копье были пурпурные; развеваясь, они производили удивительное впечатление истинно царского наряда», цит. по: Кондратьев 1950, 478).

Пурпурная одежда, в которую облачился Хлодвиг, является единичным знаком – синсайном (иконическим синсайном, *iconic sinsign*), т. е. репликой одной из множества одежд аналогичного цвета и фасона, которыми пользовались в качестве знака власти представители политической элиты в *Rex Romana*. Развивая концепцию С. С. Аверинцева с точки зрения методологии Ч. Пирса, отметим наличие соответствующего символического легисайна (*symbolic legisign*) – концепции пурпурного одеяния как знака верховной власти, который не может быть присвоен лицом, не имеющим соответствующего социального статуса.

Анализируя прагматическую составляющую данного семиотического акта, важно определить возможных адресатов осуществленного Хлодвигом коммуникативного акта. Как отмечает А. Осиандер, осуществленное Хлодвигом «предъявление горожанам инсигний, пожалованных императором, служило цели демонстрации римскому (латиноязычному) населению того, что франкское правление было более легитимным, чем готское» (Osiander 2007, 178). Признавая правомерность данной оценки, отметим, что данный коммуникативный акт должен рассматриваться также и в контексте конкуренции правителей «варварских королевств» за символический капитал римской империи.

Оценивая семиотические аспекты власти германских «варварских» королей, необходимо также отметить инсигнии остготов, короли которых принимали и хранили императорские знаки власти, полученные Теодорихом Амалом от императора Анастасия: «Анастасий... отправил ему знаки дворцового величия (*ornamenta palatii*), которые Одоакр переправил в Константинополь» (Ехс. Vales. 64). Данные символы королевской власти, основным элементом которых было пурпурное облачение, как можно заключить из свидетельств Прокопия Кесарийского, вручались преемникам трона даже в годы войны с Византией.

Между остготами и франками, по всей видимости, имела место острая конкуренция за символический капитал, что прослеживается в сохранившемся в тексте Агафия обращении предводителя остготов Алигерна к франкским претендентам на остготский престол: «Видя проходящих франков, он осыпал их оскорблениями с высоты и осмеивал, говоря, что напрасно они торопятся, что они опоздали, что все богатство готов уже захвачено римлянами, так же как все инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком» (Левченко 1996, 57).

Таким образом, есть основания полагать, что Хлодвиг, облачившийся в пурпурное одеяние, вступал в невербальную коммуникацию не только со своими подданными, но и с другими правителями «варварских королевств», в том числе – королем остготов Теодорихом, который незадолго до этого был провозглашен королем Италии, и, по свидетельству Иордана, совершил семиотический акт, сняв с себя «частное платье и одежду своего племени (*privatum abitum suaеque gentis vestitum seponens*)» и приняв «пышное царское облачение (*insigne regio*) уже как правитель готов и римлян» (Get. 295).

Дальнейший анализ знаков власти с точки зрения соотношения репрезентативности и объекта (означаемого) позволит выявить «три основные разновидности семиозиса, три различных «резпрезентативных свойства», которые основаны на разных взаимоотношениях между *signans* и *signatum*. Это различие позволяет... выделить три главных типа знака: 1) действие иконического знака основано главным образом на фактическом подобии означающего и означаемого; 2) действие индекса основано на фактической реально существующей смежности означающего и означаемого; 3) действие символа основано на установлении по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого» (цит. по: Проскурин 2013, 23).

Иконические знаки

Иконический принцип образования знака был отмечен Ю. М. Лотманом в качестве одной из характерных черт семантического типа культуры. Принцип фактического подобия означающего и означаемого действительно является одним из определяющих свойств знака в средневековой культуре, что в полной мере прослеживается и в сфере политических образов.

Власть монарха нередко выступает как подражание власти императора: «Наша королевская власть является подобием Вашей [власти], образом прекрасного замысла, копией единственной империи» (Var. I, 1, 3.). При этом, как отмечает Б. А. Успенский, «в Византии, наряду с учением о патриархе как образе Бога, высказывалась мысль, что и император есть образ Бога» (Успенский, 1994, электронный источник). В литературных памятниках рассматриваемой эпохи даже прослеживается прямое отождествление императора с Богом: «Император – это, несомненно, земной Бог» (Get. 143). Таким образом проявляется иерархичность иконического знака – император является образом Бога, тогда как германский король есть образ императора. Предположение о существовании такой иерархии находит подтверждение в памятниках эпохи – ярким примером может служить т. н. «завещание Теодориха», транслированное в произведении Иордана: «[Теодорих] объявил им в повелениях, звучавших как завещание, чтобы они чтили короля, возлюбили сенат и римский народ, а императора Восточного, – [храня] всегда мир с ним и его благосклонность – почитали [вторым] после Бога» (Get.304–305).

Короли нередко принимали императорское имя *Flavius, Augustus*, титул *princeps*, подчеркивая преемственность власти между римской империей и возникающими германскими королевствами Западной Европы. На монетах вандалов традиционно употреблялось сокращения DNR (*Dominus Noster Rex*), DN (*Dominus Noster*), RX (*Rex*) и сокращенное, либо полное, имя короля (Akerman 1834, 401-402). Сходные монограммы DN, титулы REX, RIX и имя короля употребляются на остготских монетах (Akerman 1834, 398–399). На монете короля Аталариха представлено изображение короля в полном вооружении, причем сокращение DN присутствует на обеих сторонах монеты, в одном

случае перед именем Аталариха, в другом – перед именем императора Юстиниана (Akerman 1834, 397).

Ослабление влияния Византии в Западной Европе сопровождалось в семиотической сфере трансформацией многих иконических знаков власти. Так, начиная со времени короля Австразии Теодоберта и короля вестготов Леовигильда широко применяется чеканка золотых монет с именем и изображением короля, заменяющими императорские (Клауде 2002, 118). Имитация императора как земного Бога сменяется в вестготском королевстве имитацией библейских царей через помазание преемника трона священным миром. В числе вербальных потестарных символов в отношении германских королей начинают использоваться титулы «король именем Господа» (Шервуд 1992, 15), «христианнейший король» (Эрлихман 2001, 82), «священнейший правитель (sanctissimus princeps)» (Synodus Toletana tertia, электронный источник).

Символы

Несмотря на то, что символизм считается характерной чертой средневековой культуры, именно такая разновидность знака как «символ» может считаться одной из наиболее сложных для изучения на материале средневековых знаковых систем. Это обусловлено, во-первых, проблемой терминологической корректности (разницей в семантике понятия «символ» в средневековой и современной культуре), а во-вторых – различными принципами образования символического знака в средневековой культуре и современной семиотике.

Первая из перечисленных выше особенностей отмечена Ж. ле Гоффом в его исследовании средневековых ритуалов вассалитета: «Известно, что Средневековье не использовало терминов “символ”, “символика”, “символическое” в том смысле, в каком мы употребляем их начиная с XVI века, что характерно. *Symbolum* употреблялся в Средние века клириками лишь в весьма специфическом смысле, сводящемся к догмату веры, – самым убедительным примером будет, разумеется, никейский символ. Важно, что семантическое поле символа, что характерно, было занято следующими терминами: *signum*, наиболее близкий к нашему пониманию символа, определенному св. Августином во второй книге *De Doctrina Christiana*, а также *figura*, *imago*, *typus*, *allegoria*, *parabola*, *similifudo speculum*, которые, впрочем, определяют символическую систему весьма своеобразно» (ле Гофф 2002, 328).

Вторая особенность была продемонстрирована в работе М. Пастуро, посвященной изучению средневекового символизма: «То, что современные лингвисты, вслед за Соссюром, называют “произвольностью знака”, средневековой культуре неизвестно. Все имеет свое обоснование, пусть даже ценой сомнительных, на наш взгляд, словесных ухищрений... Изучение средневековой символики всегда должно начинаться с изучения лексики» (Пастуро 2012, 12).

Примером символического знака является слово, которое имеет соответствующий акустический образ и скрытый за ним концепт, описывающий определенную категорию явлений, например латинское слово *rex* (король, царь).

Произвольность такого символа действительно не вполне устраивает средневековых мыслителей, которые стремятся использовать имеющиеся в их распоряжении лингвистические средства для создания когерентной этимологии. Так, Исидор Севильский, рассуждая о королевской власти и королевском титуле, отмечает, что «короли получили свое название от правления (*reges a regendo vocati*)... но не правит тот, кто не направляет (*non corrigit*): потому имя короля удерживается теми, кто поступает праведно (*recte... faciendo*), и утрачивается теми, кто совершает грех (*peccando*)» (Isid. Hisp. Etymolog. IX, 3). «И вот почему у народов избираются правители и короли (*principes regesque electi sunt*): чтобы через внушение страха удержать своих людей от зла, и через подчинение законам направить их к праведной жизни» (Isid. Hisp. Sent., III, 47).

Формирование раннесредневековых германских королевств сопровождалось не только переходом от дописьменного культурного кода к письменному, но и сопутствующей конкуренцией знаковых систем. Как отмечает С. Фишер, в эпоху становления остготского королевства в Италии, существовало как минимум четыре системы письменности, которые могли использоваться носителями власти: латинский и греческий языки, руническая письменность и готский алфавит (Fischer 2013, 99). Процесс принятия латинского языка в качестве языка официальных коммуникаций сопровождался трансформацией соответствующих лексических репрезентативов, означающих статус носителей публичной власти. Так, если король племени остготов именовался в германской литературе IV века германским титулом (репатическим символом) *Thiudans*,⁷ но в текстах VI–VII веков этот ничего не значащий в новом языке государственных писем и эдиктов титул трансформируется в дицентный символ *Rex gloriosissimus atque excellentissimus*.

Библейский образ царя во многом меняет традицию репрезентации власти в латинской литературе рассматриваемой эпохи. Как отмечает П. П. Шкаренков, «сомнения, испытываемые авторами относительно возможности и способов употребления слова *rex* и производных от него применительно к императорской власти, начинают рассеиваться со второй половины IV века. Этот феномен обнаруживается равным образом и у языческих и у христианских авторов, так что можно предположить, что речь идет о магистральной тенденции развития языка и идеологии, даже если в каждом конкретном случае могут быть выявлены и какие-то частные причины, стимулирующие данные процессы. Впрочем, самое сознательное и очевидное смещение императорской и царской власти мы можем проследить у христианских авторов» (Шкаренков 2009, 25).

Германские короли охотно пользуются новым титулом, который в раннесредневековой историографии применяется не только для характеристики

---

⁷ Как отмечает П. П. Шкаренков, «перевод Библии Ульфила, датируемый концом IV в., отличался скрупулезной точностью при передаче греческих слов βασιλευς и αρχων. Мы находим следующие эквиваленты: αρχων = principes = reiks; βασιλευς = rex = thiudans» (Шкаренков 2003, 48).

власти римских императоров, но и египетских фараонов, персидских и фракийских царей, предводителей великих варварских империй Евразии. Так, король франков Хильдерик пользовался перстнем-печаткой, на котором был изображен портрет короля в традиционном германском облачении (характерными чертами является оружие, боевой доспех, длинные волосы, разделенные пробором посередине и заплетенные в косы, шейная гривна), обрамленный надписью «CHILDIRICI REGIS» (Lebeq 2006, 285). Текстуальное содержание данного перстня позволяет включить его в семиотический ряд, отражающий эволюцию коммуникативных практик от традиции устной фиксации информации к письменной (Рис. 1–3).

Рис.1
«Драгоценность
Альфреда».
Надпись: «+AELFRED
MEC HENT GEWYRCAN»

Рис.2
Перстень Хильдерика.
Надпись: «CHILDIRICI REGIS»

Рис.3
Гемма Алариха.
Надпись: «ALA-
RICUS REX GO-
THORVM»

Исследователи уже отмечали, что «многие культуры, испытывая на себе переход от устного характера коммуникации к письменной фиксации информации, рождают новое перформативное ядро – ядро письменной культуры. Но ранняя письменность сохраняет некоторые реликты устности, например, многие тексты, называемые «говорящая вещь», несут в себе след устности – неодоушевленный объект описывается в терминах говорящего» (Проскурин 2013, 125). Именно так может рассматриваться «говорящая» надпись на знаменитой «Драгоценности (короля) Альфреда», которая гласит: «АЛЬФРЕД ПРИКАЗАЛ МЕНЯ СДЕЛАТЬ» (рис. 1). Вещь как бы вступает в диалог с читателем, в то время как «создатель вещи и автор остаются за текстом» (Проскурин 2013, 126). Данная парадигма коммуникации может рассматриваться, как восходящая к устной культуре. «В устной культуре субъект речи и ситуация общения неотделимы друг от друга, поэтому субъект неизбежно присутствует в речи и в ранних письменных памятниках необходим для того, чтобы надписи выполняли свою функцию, доносили информацию, читались» (Проскурин, Центнер 2009, 33).

Надпись на перстне короля Хильдерика, содержащая имя и титул короля в родительном падеже («КОРОЛЯ ХИЛЬДЕРИКА», рис.2), также может рассматриваться в качестве элемента аутореферентности («[Я – перстень] короля Хильдерика»). Данная форма обращения к читателю позволяет оценивать рассматриваемый текст в качестве одной из переходных форм коммуникативных моделей, соответствующих перформативному ядру ранней письменной культуры.

Гемма (изображение на камне, печать) короля Алариха, на поверхности которой выполнена надпись «АЛАРИХ КОРОЛЬ ГОТОВ», представляет собой в семиотическом плане лишь материальный носитель, исключенный из коммуникативного акта (в коммуникации участвуют только изображение и надпись, выполняющие функции репрезентатива), что позволяет рассматривать текст данной геммы в качестве завершающего элемента представленного эволюционного семиотического ряда.

Символизация королевской власти прослеживается в изображениях на некоторых англосаксонских монетах, содержащих атрибуты предания о короле Освальде (изображения креста, дерева, птицы, чаши) (Gannon 2003, 97). Среди атрибутов королевской власти, определенно имеющих символическое значение, могут также быть отмечены золотые «пчелы» из погребения упомянутого короля Хильдерика – один из наиболее загадочных археологических артефактов эпохи. Исследователи разошлись во мнении в оценке связи данных изделий с последующей традицией использования геральдических лилий (Effros 2003, 171).

Есть основания полагать, что репрезентативом королевской власти могло служить копье или его изображение (Gasparri 2000, 100–102). Не исключено, что копье как символ власти имело связь с элементами языческой традиции, в рамках которой данный вид оружия ассоциировался с культом Одина (Вотана). Произведение Григория Турского сохранило описание ритуала символической передачи копья наследнику трона: «После этого король Гунтрамн, вложив в руку короля Хильдеберта копье, сказал: «Это означает, что я передал тебе все мое королевство (tibi omne regnum meum tradedi)» (Савукова 1987, 209). Интерпретация данного ритуала возможна с учетом особенностей древнегерманского символизма, отмеченных А. Я. Гуревичем: «Символ не представлял собой лишь знака, знаменовавшего и обозначающего какую-либо реальность или идею. Символ не только замещал эту реальность, но вместе с тем и был ею. Когда при заключении сделки о передаче земельного владения не ограничивались составлением документа, но прибегали к обряду, заключающемуся в публичном вручении прежним собственником новому владельцу куска дерна, то этот дерн символизировал все владение, и считалось, что земля передана буквально «из рук в руки» (Гуревич 1972, 70–71).

Индексы

Примером индекса, как знака, действие которого основано на фактической реально существующей смежности означающего и означаемого, может слу-

жить применявшийся к наследникам византийского трона эпитет «Порфирородный», т. е. рожденный в Порфире, особом здании дворца, который указывал на то обстоятельство, «что родители василевса занимали тогда императорский трон и, следовательно, у «порфирородного» имелись права, которые если не юридически, то в силу обычая давали ему ряд преимуществ перед «непорфирородными» (Литаврин 1997, 54).

Трон (*bregostól*) как знак и даже синоним королевской власти неоднократно упоминается в северогерманской эпопее «Беовульф» (*Beowulf*, 168, 1039, 1087, 1814, 2196, 2327, 2370, 2371, 2389), а для обозначения действий конунга по осуществлению власти составитель текста в отдельных случаях использует выражения «держатъ престол» (*éþelstólas healdan*) или «держатъ трон» (*bregostól healdan*). Данное использование термина позволяет проследить действие семиотического закона ослабления признака, выявленного С. Г. Проскуриным, который отмечает, что «большинство знаковых символов переживают трансформации от сильного символа к ослабленному, и затем – совсем слабому. Это своего рода семиотическая закономерность» (Проскурин 2013, 63). В следующей таблице демонстрируется трансформация лингвистического знака: от употребляемого в денотативном значении понятия «*healdan*» (держатъ, удерживать) к частично релевантному в биологическом отношении содержанию данного понятия в словосочетаниях «держатъ престол» (*éþelstólas healdan*), или «держатъ трон» (*bregostól healdan*), и далее – к переносному значению понятия «*healdan*» (править), употребляемого как самостоятельно, так и в словосочетаниях «держатъ королевство» (*healdan ríce*) или «держатъ народ» (*folc gehealdan*).

Уровень знаковости	Тождество. Акт	Подобие. Жест вместо акта	Условность
1. Биологически полная релевантность	Англосакс. <i>Healdan</i> – держать, удерживать		
2. Биологически частичная релевантность		Англосакс. <i>Bregostól healdan</i> (держатъ трон) – «править»	
3. Биологическая нерелевантность (лингвосемиотика)			Англосакс. <i>Healdan</i> – править.

Измерения семиозиса власти: семантика

Смены культурных кодов в эпоху формирования средневекового мира неизбежно сопровождалось трансформацией значений, ценностей, базовых категорий сознания. Формирующаяся культура «варварских королевств», возникающих на обломках Империи, активно интегрировала античное наследие, адаптируя к новым реалиям многие категории римской культуры, и предлагая

новое прочтение социально значимых концептов. Примером может служить активное использование в политическом дискурсе эпохи таких общезначимых концептов, как «варвар» (*barbarus*) и «варварство» (*barbaria*).

Для носителей власти в раннесредневековых германских королевствах восприятие римской культуры и отказ от «варварского» образа, с которым традиционно отождествлялся германский мир, являлось одним из инструментов формирования политико-культурной идентичности. Например, в послании Теодориха к Гундобаду, королю Бургундов, Теодорих пишет: «Известно, что при Вас Бургундия лицезреет изысканнейшие вещи, восхваляет изобретения древних: Вашими усилиями оставляет варварский образ жизни (*propositum gentile deponit*), и благодаря мудрости своего короля приобщается достижениям разумнейших» (*Var. I, 46*). В другом послании, обращенном ко всем провинциалам Галлии, Теодорих пишет о «римском обычае», который «способствовал процветанию предков». Далее следуют особо важные сентенции: «Возвращаясь... к древней свободе, облачитесь в одеяния римских нравов, оставьте варварство (*exuite barbariem*), удалите свирепость помыслов: при справедливости (*aequitate*) нашего времени не к лицу вам вести образ жизни, согласно чужим обычаям (*moribus alienis*)» (*Var. III, 17*). Очевидно, что Теодорих придавал большое значение новому состоянию своих граждан и представителей других «варварских» народов, которых он стремился видеть подчиненными его славному роду.

Наряду с этим происходит постепенная эволюция семантики самого понятия «варвар». Анализируя содержательную часть посланий Теодориха, можно обнаружить, что, несмотря на присутствие в его риторике элементов классической традиции, транслированных благодаря усилиям квестора Флавия Кассиодора, «варварство» (*barbaria, gentilitas*) для германского короля – это, прежде всего, отсутствие писаных законов и подчинения им среди подданных. Призывая своих соплеменников к соблюдению законов и правопорядка в Италийском королевстве, Теодорих требует от них оставить «варварство» (*exuite barbariem*) и удалить «свирепость помыслов» (*Var. III, 17*), остановив стихийные проявления насилия в отношении подданных и своих соплеменников. Прочие составляющие античной культуры, включая образование, язык, традиции, мировоззренческие и религиозные аспекты, не играют для короля столь же большого значения.

В официальном дискурсе понятие «варвар» теряло своё прежнее значение, связанное с представлением о неполноценности (Корсунский 1972). Характеризуя ассоциативную структуру понятия *barbari*, необходимо отметить, что представление о «варварстве» как об определенном низком состоянии общества, характерное для античности, постепенно уходит в прошлое. Официальные памятники, инкорпорирующие римское право на территории остготского и других германских королевств, повсеместно пользуются понятием «варвары» (*barbari*) для обозначения лиц неримского (прежде всего, германского) проис-

хождения,⁸ что отражает тенденцию к установлению технического, денотативного значения понятия. Обращение к «варварам и римлянам» («*barbaris et romanis*», Var. III, 24.) является официальной формулой, используемой остготским королем в административной переписке рубежа V–VI вв. Готы же, как правило, обозначаются в этих посланиях их этническим именем (*Gothi*) и дистанцируются, таким образом, как от общности «римлян», так и от «варваров».

Синтактика

Как отмечал признанный классик семиотических исследований Ч. С. Моррис, «развивать синтактику в некоторых отношениях проще, чем другие отрасли семиотики, ибо значительно легче изучать отношения знаков друг к другу, особенно в случае письменных знаков, как отношения, определенные правилом, чем описывать объективно существующие ситуации, в которых употребляются те или иные знаки, или описывать то, что происходит в интерпретаторе, когда функционирует знак» (Моррис 2002).

Данная оценка справедлива, по всей видимости, в отношении исследований, посвященных синтактике естественного языка. В рамках же политического дискурса коммуникации осуществляются с использованием нескольких языков культуры (вербальных и невербальных), что значительно усложняет исследования синтактического измерения семиозиса.

Представляется, что синтактическое измерение семиозиса власти наиболее удачно прослеживается на материале политических ритуалов. Как отмечает Г. Г. Хазагеров, при ритуальных формах общения, в центре внимания «находится скорее синтактика, чем семантика... важна последовательность и точность произносимых слов, хотя в целом сообщение асемантично» (Хазагеров [Электронный источник]). Примером глубокого исследования синтактики средневекового политического ритуала может служить работа Б. А. Успенского, освещающая, в том числе, соотношение между такими знаковыми действиями как инаугурационное помазание и коронация (Успенский 2000).

В качестве примера синтактического отношения знаков можно рассмотреть составляющие обряда инициации, имевшие архаическое происхождение, но игравшие существенную роль и в рамках раннесредневекового политического дискурса. Так, согласно «народному обычаю» (*ritum gentis*), описанному в произведении Павла Диакона, сын короля мог садиться за стол вместе с отцом «не раньше, чем получит оружие от короля какого-либо другого народа (*a rege gentis exterae*)» (*Hist. lang. I, 23*). С семиотической точки зрения данная традиция включает отношение двух знаков (семиотических актов): занятия места за столом рядом с отцом и получения оружия от короля другого народа, связь между которыми формирует своеобразный хронотоп – испытание на чужбине предшествует во времени триумфу на родине героя.

---

⁸ См. напр., *Edictum Theodorici Regis*, § 33, 34, 43 и др.

Описывая данный ритуал, Павел Диакон отмечает, что, принимая сына короля лангобардов Альбоина, король гепидов посадил его за стол справа от себя, на место, где обычно сидел его сын (Hist. lang. I, 24). Получение Альбоином оружия из рук короля гепидов подтвердило право наследника на место за королевским столом, и способствовало росту его престижа в глазах соплеменников: «По возвращении Альбоин был, наконец, допущен своим отцом к его столу. Довольный, вкушал он яства за королевским столом и рассказывал по порядку все, что приключилось с ним у гепидов во дворце Туризинда. Все присутствующие удивлялись и хвалили храбрость Альбоина» (Hist. lang. I, 24). Соблюдение синтактики политического дискурса, таким образом, является необходимым условием легитимности власти (в рассмотренном выше примере – легитимности преемника королевского трона).

Прагматика

Ч. У. Моррис определял прагматическое измерение семиозиса как «отношение знаков к интерпретаторам» (Моррис 2002), т.е. как комплекс порождаемых восприятием конкретного знака реакций интерпретатора, которые могут быть соотнесены «со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» (Моррис 2002).

В качестве примера прагматического измерения семиозиса власти рассмотрим знаменитый эпизод с суассонской чашей, описанный в произведении Григория Турского:

В то время войско Хлодвига разграбило много церквей, так как Хлодвиг был еще в плену языческих суеверий (*erat ille adhuc fanaticis erroribus involutus*). Однажды франки унесли из какой-то церкви вместе с другими драгоценными вещами, необходимыми для церковной службы, большую чашу удивительной красоты. Но епископ той церкви направил послов к королю с просьбой (*poscens*), если уж церковь не заслуживает возвращения чего-либо другого из ее священной утвари, то по крайней мере пусть возвратят ей хотя бы эту чашу. Король, выслушав послов, сказал им: «Следуйте за нами в Суассон, ведь там должны делить всю военную добычу. И если этот сосуд, который просит епископ (*quae rara poscit*), по жребию достанется мне, я выполню его просьбу». По прибытии в Суассон, когда сложили всю груды добычи посредине, король сказал: «Храбрейшие воины, я прошу вас (*rogo vos*) отдать мне, кроме моей доли, еще и этот сосуд». Разумеется, он говорил об упомянутой чаше. В ответ на эти слова короля те, кто был поразумнее (*erat mens sanior*), сказали: «Славный король (*gloriose rex*)! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти (*sed et nos ipsi tuo sumus dominio subiugati*). Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!». Как только они произнесли эти слова, один вспыльчивый воин, завистливый и неумный (*unus levis, invidus ac facilis*), поднял секиру и с громким возгласом: «Ты получишь отсюда только то, что тебе полагается по жребию», – опустил ее на чашу. Все были поражены этим поступком, но король перенес это оскорбление с терпением и кротостью (*iniuriam suam patientiae lenitate coercuit*). Он взял чашу и передал ее епископскому послу, за-

таив «в душе глубокую обиду» (*sub pectore vulnus*). А спустя год Хлодвиг приказал (*iussit*) всем воинам явиться со всем военным снаряжением, чтобы показать на Мартовском поле, насколько исправно содержат они свое оружие. И когда он обходил ряды воинов, он подошел к тому, кто ударил [секирой] по чаше и сказал: «Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся». И, вырвав у него секиру, он бросил ее на землю. Когда тот чуть-чуть нагнулся за секирой, Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне» (*Sic, inquit, tu Sexonas in urceo illo fecisti*). Когда тот умер, он приказал (*iubet*) остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх (Савукова 1987, 48).

Представленный выше текст, транслирующий миф Хлодвига, составлен Григорием Турским с использованием элементов семантического типа кода культуры. В основе текста четко прослеживается оппозиция идеального плана, отождествляемого с разумным началом («...те, кто был поразумнее (*erat mens sanior*), сказали: “Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!”») и материального, неразумного, физического плана («Как только они произнесли эти слова, один вспыльчивый воин, завистливый и неумный (*unus levis, invidus ac facilis*, букв. – легковесный, пустой – С.С.), поднял секиру и... опустил ее на чашу»). В ответных действиях короля Хлодвига выражается средневековая антиномия категорий «чести» и «славы»: Хлодвиг терпит бесчестье ради Христа, поскольку удар воина по чаше носил бесчестящий для Хлодвига характер. В средневековой культуре, как отмечает Ю. М. Лотман, «бесчестье считается столь тяжким ущербом, что пострадавшему не возбраняется ответить на него ударом меча» (Лотман 2004, 403). Но Хлодвиг, претерпев оскорбление «со смирением и кротостью», получает впоследствии славу – особую форму почести, обладающую нематериальной, знаковой сущностью.

Фабула данного эпизода (охватывающая период протяженностью в один год между уничтожением чаши и убийством обидчика) раскрывает принцип ахронности: рассматриваемое время в повествовании автора как бы не существует (отмщение наступает сразу после нанесения оскорбления). Нам не дается никаких указаний на укрепление легитимности короля в данный период, отсутствует и описание его действий по приобретению новых сторонников и укреплению лояльности приближенных. Власть короля не эволюционирует – в повествовании Григория Турского она статична. Это, по всей видимости, объясняется тем, что знаковость королевской власти носит иконический характер: власть короля подобна власти Бога (о чем явно свидетельствуют слова «Славный король! Все, что мы здесь видим, – твое, и сами мы в твоей власти...»), в связи с чем сопротивление королю выступает как противление Богу. Причина бессилия короля заключается не в слабости юного правителя, а в его смирении («король перенес это оскорбление с терпением и кротостью»).

Сама суассонская чаша как знаковое средство (означающее) соответствует нескольким объектам (означаемым). В рамках коммуникации Хлодвига и вои-

на (акта уничтожения чаши) чаша символизирует собой всю военную добычу (реализуя принцип гомеоморфности части целому), которую надлежит разделить на соответствующие доли между участниками похода. Вместе с этим в рамках коммуникации Хлодвига с епископом Ремигием объектом, на который указывает чаша, выступает власть Хлодвига, его способность управлять подчиненным ему коллективом.

Уничтожение чаши состояло не просто в разрушении ее формы (поскольку материальная составляющая – осколки золота и драгоценностей были переданы послам епископа), но, прежде всего, в ее семантическом разрушении. Именно поэтому акт с уничтожением чаши становится сложносоставным знаком, содержащим план означающего («форма» – требование соблюдения древнего обычая) и план означаемого («содержание» – умаление власти Хлодвига).

Удачно прослеживается прагматический аспект семиотического акта уничтожения чаши – Хлодвиг, выступая интерпретатором данного действия, верно воспринимает его как указание на соответствующую конвенциональную роль (определенную политическим дискурсом в форме обычая предков), в связи с чем его ответная реакция (интерпретанта) выразилась в демонстрации согласия с правомерностью данного действия. Последующая месть Хлодвига также осуществляется в рамках указанной конвенциональной роли, в связи с соблюдением древнего обычая смотра вооруженного войска. Если в первом случае король обращался к воинам с просьбой (*rogo*) выйти за рамки существующей традиции, то во втором случае он приказывал (*iussit*) исполнить обычай предков, прибегая к установленным данной формой габитуса⁹ коллективным практикам.

Убийство оппонента Хлодвига во время проведения военного смотра обретает в интерпретации Григория характер иконического знака: «Хлодвиг поднял свою секиру и разрубил ему голову, говоря: «Вот так и ты поступил с той чашей в Суассоне (*sic, inquit, tu Sexonas in urceo illo fecisti*)». Возмездие, настигшее нечестивого воина, выходит за рамки осуществления личной мести и становится в символическом плане актом божественного воздаяния за надругательство над святыней. Прагматическое измерение данного семиотического акта прослеживается в описании коммуникации короля с присутствовавшими участниками смотра (выступающими в роли интерпретаторов знака), когда Хлодвиг «приказал (*iubet*) остальным разойтись, наведя на них своим поступком большой страх». Реакция присутствующих указывает на то, что убийство соперника воспринималось не только в качестве иконического знака, означавшего восстановление справедливости, но и в качестве индексального знака, указывавшего на возможную участь политических оппонентов короля.

---

⁹ Более подробно о габитусе военно-аристократической франкской среды: Николаева 2005.

* * *

Таким образом, выполненное исследование позволило классифицировать знаковые составляющие власти в семантическом типе культуры, выявить особенности семиозиса трех основных типов знака (символов, индексальных и иконических знаков), рассмотреть семантическое, синтаксическое и прагматическое измерения семиозиса власти. Результаты исследования дают основания предположить, что культурный код, подразумевающий отношение к знаку в рамках определенной культуры, имманентен самому знаку и может рассматриваться в качестве ключевой составляющей прагматического измерения семиозиса. Анализ средневековых текстов подтвердил действие семиотического закона ослабления признака, а также дал возможность выявить и охарактеризовать эволюционный семиотический ряд перформативного ядра ранней письменной культуры. Семиотическая методология, таким образом, позволяет получить добавочное эмпирическое содержание в исследовании коммуникативного пространства культуры, что свидетельствует о целесообразности ее использования в дальнейших научных исследованиях, посвященных реконструкции исторических образов власти и изучению соответствующих культурных кодов.

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Exc. Vales. – Excerpta Valesiana, pars posterior.
 Get. – Iordanes. De origine actibusque Getarum (Getica).
 Hist. lang. – Paulus Diaconus. Historia langobardorum.
 Isid. Hisp. Etymolog. – Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri.
 Isid. Hisp. Sent. – Isidori Hispalensis Sententiae.
 Var. – Cassiodori Aurelii Variarum libri XII.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Akerman, J. A. (1834) *Descriptive catalogue of rare and unedited Roman coins*. London.
 Barnish, S. J. B. (1983) "The Anonymous Valesianus II as a Source for the Last Years of Theoderic," *Latomus* 42.3, 572–96.
 Berkhofer III, R. F., Alan Cooper, and Adam J. Kosto, eds. (2005) *The Experience of Power in Medieval Europe, 950–1350*. Ashgate Publ.
 Bisson, T. N., ed. (1995) *Cultures of Power. Lordship, Status, and Process in Twelfth-Century Europe*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
 Chaney, W. A. (1970) *The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England: The Transition from Paganism to Christianity*. Manchester.
 Effros, B. (2003) *Merovingian Mortuary Archaeology and the Making of the Early Middle Ages*. Berkeley: University of California Press.
 Fischer, S. (2013) "Literacy and Text Production in the Age of Germanic Kleptocracy – The Elusive Case of Theoderic," *WULFILA 311–2011. International Symposium*. Uppsala University June 15–18, 2011. Anders Kaliff and Lars Munkhammar (eds). Uppsala: 97–113.
 Gannon, A. (2003) *The Iconography of Early Anglo-Saxon Coinage: Sixth to Eighth Centuries*. Oxford.

- Gasparri, S. (2000) "Kingship Rituals and Ideology in Lombard Italy," Frans Theuws and Janet L. Nelson (eds). *Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden: Brill, 2000: 95-114.
- Hartshorne, C. and Weiss, P., ed. (1960) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce: Principles of philosophy and Elements of logic*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lebecq, S. (2006) "The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography," in T. F. X. Noble, ed., *From Roman Provinces to Medieval Kingdoms*. New York and Abingdon: 327-44.
- Lotmaniana Tartuensia: О Лотмане: статьи и заметки. Семиотика культуры в Московско-Тартуской семиотической школе. Предварительные замечания: www.ruthenia.ru/lotman/txt/mlotman02.html.
- Moreau, J., ed. (1961) *Excerpta valesiana*. [I. Origo Constantini imperatoris. II. Theodericiana.] Lipsiae: Teubner.
- Osiander, A. (2007) *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Siefkes, M. (2010) "Power in Society, Economy, and Mentality: Towards a Semiotic Theory of Power," in *Semiotica* (Berlin; N.Y.) 181 (1/4), 225-261.
- Theuws, F., Nelson, J. L. ed. (2000) *Rituals of Power from Late Antiquity to the Early Middle Ages*. Leiden.
- Аверинцев, С. С. (1977) «Символика раннего Средневековья (К постановке вопроса)», *Семиотика и художественное творчество*. Москва: Наука: 308-337.
- Астафурова, Т. Н., Олянич, А. В. (2008) *Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст*. Волгоград.
- Барт, Р. (1989) *Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр., сост. Г. К. Косиков*. Москва: Прогресс.
- Барт, Р. (2008) *Мифологии*. Москва.
- Бенвенист, Э. (1974) *Общая лингвистика*. Москва.
- Бодрийяр, Ж. (2007) *К критике политической экономии знака*. Д. Кралечкин, пер. с фр. Москва: Академический Проект.
- Бойцов М. А., Успенский Ф. Б., ред. (2010) *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*. Санкт-Петербург.
- Бойцов, М. А. (2009) *Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. Москва.
- Гирц, К. Г. (2004) *Интерпретация культур*. Москва.
- Гофф, Ж. ле (2002²) *Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада*. С. В. Чистякова и Н. В. Шевченко, пер. с фр., под ред. В. А. Бабинцева. Екатеринбург.
- Гуревич, А. Я. (1972) *Категории средневековой культуры*. Москва.
- Данези, М. (2010) *В поиске значения: введение в семиотическую теорию и практику*. Пер с англ. под общей ред. С. Г. Проскурина. Новосибирск.
- Донченко, А. И. пер. (1998) *Житие святого Северина*. Петербург: Алетейя.
- Живов, В. М., Успенский, Б. А. (1987) «Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России», *Языки культуры и проблемы переводимости*. Москва: 47-153.
- Ильин, М. В. (2002) «Политический дискурс как предмет анализа», *Политическая наука*, 3, 7-19.
- Клауде, Д. (2002) *История вестготов*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Кондратьев, С. П., пер. (1950) *Прокопий Кесарийский. Война с готами*. Москва.

- Корсунский, А. Р. (1971) «К дискуссии об эдикте Теодориха», *Западная Европа в Средние века: Экономика, политика, культура*. Москва: 83–104.
- Кравченко, А. В. (2000) «Естественнонаучные аспекты семиозиса», *Вопросы языкознания* 1, 10–14.
- Кравченко, А. В. (2008) «Языковой семиозис и пределы человеческого познания», *Когнитивные исследования языка*. Вып. 3: Типы знаний и проблема их классификации. Москва, Тамбов: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р.Державина, 37–45.
- Кулаковский, Ю. А., Сони А. И., пер. (1996) *Аммиан Марцеллин. Римская история*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кэмпбелл, Д. (1997) *Тысячеликий герой*. Киев.
- Левченко, М. В. (1996), пер., *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана*. Москва: Арктос.
- Литаврин, Г. Г. (1997) *Как жили византийцы*. Санкт-Петербург.
- Лосев, А. Ф. (1990) *Диалектика мифа*. Москва.
- Лотман, Ю. М. (2004) *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство.
- Моррис, Ч. У. (2002) «Основания теории знаков», *Семиотика. Сборник переводов*. Под ред. Ю. С. Степанова. Москва: Радуга: 45–96.
- Николаева, И. Ю. (2005) *Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного*. Томск.
- Пастуро, М. (2012) «Символическая история европейского Средневековья», *Мишель Пастуро*. Е. Решетникова, пер. с франц. Санкт-Петербург: Alexandria.
- Плохотнюк, В. С. (2010) «Аксиоматизация семиологии и научный статус семиотики», *Terra eopoticus* 8.4, 124–132.
- Прозоров, В. О. (2003) «О семантических горизонтах понятия *власть*», *Логос* 4/5, 58–64.
- Проскурин, С. Г. (2013) *Курс семиотики. Язык, культура, право*. Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Савукова, В. Д. (1987), пер. и примеч., *Григорий Турский. История франков*. Москва: Наука.
- Санников, С. В. (2011) «Образ власти как продукт социальной коммуникации: семиологический анализ», *Материалы международной научно-практической конференции «Информационно-коммуникационное пространство и человек*». Пенза: 72–74.
- Санников, С. В. (2009) «Перевод пролога к кодексу короля Альфреда», *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 8.1.
- Санников, С. В. (2013) «Семиозис власти как процесс социальной коммуникации: методологические аспекты (на примере анализа исторических образов власти)», *Материалы конференции «Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях*». Прага: 6–9.
- Санчук, Г. Э., пер. и комм. (1975) *Видукинд Корвейский. Деяния саксов*. Отв. ред. Корюлюк В. Д. Москва: Издательство «Наука».
- Смирницкая, О. А., Стеблин-Каменский М. И., изд. (1994) *Младшая Эдда*. Москва.
- Смирнов, И. П. (1995) *Порождение интертекста*. Санкт-Петербург.
- Согомонян, В. Э. (2012) «Что такое дискурс власти?», *21-й век* 21, 34–51.
- Стасюлевич, М. М. (1999) *История средних веков*. Москва.
- Стеблин-Каменский, М. И., пер. (1980) «Сага о Харальде Прекрасноволосом», *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. Москва: Наука: 42–67.

- Усманова, А. Р. (2000) *Умберто Эко: парадоксы интерпретации*. Минск: «Пропилеи».
- Успенский, Б. А. (1994) *Избранные труды. Том 1: Семиотика истории*. Москва: Издательство «Гнозис»: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/index.php.
- Успенский, Б. А. (1998) *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление)*. Москва: Языки русской культуры.
- Успенский, Б. А. (2000) *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*. Москва: «Языки русской культуры».
- Успенский, Ф. Б. (2001) *Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии*. Москва: Языки русской культуры.
- Фадеева, Е. И., Тульчинский, Г. Л., отв. ред. (2011) *Семиотика культуры: антропологический поворот*. Санкт-Петербург: Эйдос.
- Хазазеров, Г. *Интертекстуальность: от диалога к ритуалу*: www.khazagerov.com/culture-of-speech/96-intertext.html.
- Хачатурян, Н. А., отв. ред. (2004) *Королевский двор в политической культуре средневековья Европы: Теория, символика, церемониал*. Москва.
- Хачатурян, Н. А., отв. ред. (2006) *Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти*. Москва.
- Хачатурян Н. А., отв. ред.; Воскобойников О. С., сост. (2008) *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. Москва.
- Шатин, Ю. В. (1996) «Три вектора семиотики», *Дискурс 2 / 96*: www.nsu.ru/education/virtual/discourse2_8.htm.
- Шейгал, Е. И. (2000) *Семиотика политического дискурса*. Волгоград (диссертация).
- Шервуд, Е. А. (1992) *Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени*. Москва.
- Шкаренков, П. П. (2003) *Королевская власть в Остготской Италии по «Variae» Кассиодора: миф, образ, реальность*. Москва: РГГУ.
- Шкаренков, П. П. (2009). *Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам*. Автореферат (на правах рукописи). Москва.
- Эрлихман, В. В., пер., комм. (2001) *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англосаксов*. Санкт-Петербург.
- Юнг, К. Г. (2006) *Человек и его символы*. Москва.
- Ямпольский, М. Б. (2004) *Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима*. Москва.
- Янушкевич, И. Ф. (2009) «Лингвoseмиотическое пространство англосаксонской легитимной власти», *Вестник Волгоградского гос. ун-та: Научно-теоретический журнал. Сер. 2, Языкознание*, вып. 2, 119–125.